

§2 МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

А.А. Слезин, А.В. Баланцев

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕЛИГИОЗНОМУ ВЛИЯНИЮ СРЕДИ «ВОСТОЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ» В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ

Аннотация: Статья, подготовленная на основе материалов Российского государственного архива социально-политической истории, посвящена исследованию особенностей антирелигиозной работы комсомола среди т.н. «восточных национальных меньшинств» в середине 1920-х гг. Авторы демонстрируют, что даже в данной деятельности комсомола проявлялся его созидательный потенциал. Хотя привитие новых норм поведения в восточном обществе часто происходило с помощью административных мер, главной особенностью антирелигиозной пропаганды среди «восточных нацменьшинств» являлся умеренный подход.

Ключевые слова: история, политология, нация, большевики, молодежь, комсомол, религия, ислам, большевики, НЭП

В связи с многонациональностью и многоконфессиональностью РСФСР, а также необходимостью распространения коммунистического влияния не только в центральных областях, но и на окраинах федерации, коммунистическую (в том числе и антирелигиозную) пропаганду коммунистические лидеры вынуждены были с первых лет пребывания у власти приспособлять к существенным особенностям социально-бытового уклада территорий, где значительную часть населения составляли национальные меньшинства. Ввиду сложившихся явных различий исторических факторов уровня культурного развития нацменьшинств имели серьезные отличия, вследствие чего руководством партии все нацменьшинства условно были разделены на две основные группы: «восточные» и «западные». Иногда выделяли «туземное» и другое население. Однако это деление нельзя считать советским новшеством. В России издавна существовало разделение населения на православных, магометан, инородцев и других.

В комсомоле для работы с национальной молодежью были созданы специальные секции. 23 февраля 1922 г. ЦК РКСМ организовал Татарское-Башкирское бюро ЦК и разрешил созыв соответствующей территориальной конференции с приглашением, помимо мест-

ных жителей, делегатов-киргизов. 12 декабря 1922 г. было признано «...необходимым существование при ЦК РКСМ 6-ти секций: Татаро-Башкирской, Еврейской, Польской, Немецкой, Латышской и Эстонской»¹.

Поясним критерии разделения народов. В первую очередь они различались по признаку преобладающей конфессии, ведущей свою деятельность среди нацменьшинств. В начале 1920-х под «восточными» нацменьшинствами в основном понимали мусульманское население². В дальнейшем, по мере накопления опыта работы, произошло дифференцирование масс «восточных» нацменьшинств на тюркские и угро-финские народности. Среди тюркских народностей (татар, башкир, казахов и др.) преимущественно был распространен ислам. Среди угро-финских народностей (мордва, мари, вотяки) и чувашей было больше христиан³. К «западным» нацменьшинствам были отнесены немецкое, латышское, литовское, эстонское, польское и

¹ Соколов В.И. История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XX века. Рязань, 2002. С. 193.

² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 22а. Л. 75.

³ ГАСПИТО. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 1246. Л. 76.

финское население⁴, в основном исповедовавшее католицизм и различные направления протестантизма⁵. К «туземным» национальным меньшинствам относили народы, сохранившие свои языческие верования – уйгуры, татары в Поволжье и Сибири и т.д.⁶. К ним частично относились мари, вотяки, чувашаи (как народы со смешанным вероисповеданием; по убывающей количества верующих: христиане, мусульмане, язычники)⁷. В источниках часто встречаются упоминания о языческих обрядах зырян (коренное население республики Коми)⁸.

Помимо признака вероисповедания народы также делили по культурным и экономическим признакам. Среди народностей Востока господствовали различные предрассудки и суеверия. В мусульманской семье царил дух единоличного господства и беспрекословного подчинения, нигде так не была сильна власть традиций. Руководство РКСМ делало выводы о чрезвычайно низком культурном уровне молодежи Востока, о слабо развитой грамотности, особенно политической. Все это было сопряжено с общей экономической отсталостью⁹. Деревни западных нацменьшинств в области хозяйства отличались от деревень окружающего национального большинства более высоким уровнем земледельческой культуры и большой активностью значительной массы крестьянства; в культурной области – более высоким уровнем грамотности населения¹⁰. Среди «туземных» нацменьшинств не выделяли каких-либо особых отличительных признаков, кроме простейших патриархальных принципов развития общества (у них не было никакого классового деления и политических группировок) и сохранившихся первобытных анимистических верований. Например, у зырян еще сохранялось в силе мировоззрение, в основе которого лежало признание всеобщего равенства, уважение к детям, труду, даже домашним животным. Их религия говорила о жизненной энергии и любви к земной жизни, о чувстве собственного достоинства,

не допускающем унижения даже в молитвах к Богу¹¹. Несмотря на явные отличия, все нацменьшинства характеризовались некоторой замкнутостью населения по отношению к людям других национальностей.

Весной – летом 1923 г. наметились тенденции к корректировке политики советского государства по отношению к религии¹². В апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) признал: «Нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков»¹³. В преддверии пасхи 1923 г. ЦК РКП(б) была принята инструкция «Об антирелигиозной кампании во время пасхи», где предписывалось «перенести центр тяжести на научное объяснение происхождения религиозных праздников»¹⁴. Усиление враждебности к власти христианской части России после проведения «комсомольской пасхи», которое в мусульманском мире могло стать еще большим, и отсутствие значимого влияния комсомола на национальную молодежь привели к отказу от использования карнавальная методики среди мусульманского населения.

Тем не менее, в руководстве комсомола все сильнее давала себя знать уверенность, что применяемые среди русского населения основные формы антирелигиозной пропаганды (комсомольские антирелигиозные праздники, лекции, доклады, концерты, постановки, вечера, беседы и проч.) вполне пригодны для работы и среди мусульман. В тезисах ЦК РКСМ о культурпросветработе среди восточной молодежи на 1924 г. уже с уверенностью говорилось о необходимости задействовать все возможности для борьбы с религией. В первую очередь местных комсомольцев призывали обратить внимание на национальные и религиозные праздники, природные условия проживания народов. Без тени сомнения ЦК РКСМ предписывал комсомольским ячейкам использовать праздники Ураза-Байрам и Курбан-Байрам, проводить вечера таравиха. Было решено расширить количество дней «комсомольского ураза-байрама» и проводить пропаганду в течение всего месяца Рамазана, популяризируя науки

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Там же. Д. 1173. Л. 71.

⁶ Там же. Д. 814. Л. 62.

⁷ Там же. Д. 1246. Л. 76.

⁸ См., например, Коммунистическое просвещение. 1922. № 2. С. 96.

⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 22а. Л. 75.

¹⁰ ГАСПИТО. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 1246. Л. 36.

¹¹ Коммунистическое просвещение. 1922. № 2. С. 96.

¹² См.: Слезин А. А. Попытки оптимизации антирелигиозной деятельности советского государства (1923-1925) // Закон и право. 2009. №6. С. 115-117.

¹³ КПСС в резолюциях... Т.3. С. 115

¹⁴ Известия ЦК РКП(б). 1923. №3. С. 24

Политика и общество 3 (99) • 2013

о природе и происхождении человека¹⁵, – среди «восточных» нацменьшинств набирала обороты естественнаучная пропаганда атеизма.

Новый удар по исламу был нанесен в месяц Рамазан. Томский историк Е. Б. Степанова в своей кандидатской диссертации, посвященной культурной деятельности среди нацменьшинств Томской губернии в 1920-х гг., описывает «комсомольский рамазан», разработанный местной татарской секцией: «План включал довольно подробную разработку мероприятий в течение всего месяца. Они утряхивались в особые дни, имевшие определенное значение для мусульман. Так, в Гарафи-Кун¹⁶ провели вечер с инсценировками, в день Гайда¹⁷ – литературное утро с разбором идей Рамазана, вечером – концерт антирелигиозного характера. При подведении итогов этой кампании было отмечено, что она прошла удовлетворительно в Томске, в четырех рабочих районах и в одной деревне. За время организации кампании было проведено 5 спектаклей, 6 лекций и один диспут». По словам Е. Б. Степановой, в дело борьбы с религией диспут принес больше вреда, чем пользы, так как только усилил религиозную агитацию со стороны духовенства, поскольку он не смог убедительно доказать обоснованность атеистических позиций¹⁸.

Архивные материалы показывают, что не везде комсомольцы выглядели проигравшей стороной на диспутах. Так, информационная сводка о работе РЛКСМ за июль-август в Марийской области сообщила о проведении в области 11 лекций и одного диспута, на котором комсомольцы одержали победу. «Поп отказался выступать и удрал», – сообщали марийские власти¹⁹. (Напомним, что к восточным народам относили часть христиан и часть населения со смешанным вероисповеданием).

Кампания «комсомольский рамазан» плавно перешла в следующую – «комсомольский ураза-байрам». Во многом она проводилась по образцу 1923 г. Попытка

ликвидировать недостаток прошлогодней акции – отсутствие закрепления результатов – привела к подробному освещению комсомольских мероприятий в местной печати уже после окончания Уразы-Байрама²⁰.

Параллельно с завершением «комсомольского ураза-байрама» велась подготовка к кампании «комсомольский курбан». Отчет Сибкрайкома РЛКСМ о работе среди татаро-киргизской молодежи весной 1924 г. сообщал о ее подготовке и проведении. В большинстве населенных пунктов кампанию организовывали, руководствуясь опытом прошлогодней работы, так как директивы Центрального и краевого комитетов опаздывали. «Праздник» провели во всех городах, рабочих районах и сельской местности, где были ячейки комсомола. При подготовке было выпущено специальное приложение к газете «Азад Себер»²¹.

В Сибкрайкоме РЛКСМ констатировали общую слабость кампании. Тем не менее, старались охватить ей как можно больше населения. Использовали силы курсантов и студентов, находящихся на каникулах: коммунистически настроенные молодые люди приезжая домой, в свои деревни, делились новыми взглядами. Активное участие в постановках и вечерах принимали пионеры. В некоторых местах сообщали о работе с киргизами. Считалось, что с представителями этого народа было особенно трудно проводить какую-либо антирелигиозную работу из-за его кочевого образа жизни²².

К середине 1920-х гг. тенденция на общее расширение борьбы с религией привела к участию в этой работе помимо партии и комсомола органов народного просвещения. От успешности их деятельности делали выводы о степени успешности проведения «комсомольских байрамов»²³. Для достижения наилучших результатов татаро-башкирским отделом наркомпроса был выпущен циркуляр о необходимости приобретения образовательными учреждениями антирелигиозной литературы. С этой целью были изданы по доступным ценам сборник «Комсомольская Ураза» и «Сборник материалов для научных бесед»²⁴.

В целях наиболее успешного использования читок и художественной самодеятельности клубам стали

¹⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 2116. Л. 6–7.

¹⁶ Гарафетдин – вестник религии, знаток религии; умеющий разъяснить каноны религии. Диалектический вариант (татарск.): Гарафи; Гараф – тот, кто приносит вести из будущего

¹⁷ Вероятно, имелся ввиду Гайд-намаз

¹⁸ Степанова Е.Б. Образовательная и просветительная работа среди национальных меньшинств Томской губернии и округа в 1920-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996. С. 169–170.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 225. Л. 77–79.

²⁰ Там же. Д. 211 б. Л. 44–45.

²¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 225. Л. 77–79.

²² Там же.

²³ «Комсомольские байрамы» – в дальнейшем мы будем использовать этот термин для общего обозначения «комсомольского ураза-байрама» и «комсомольского курбан-байрама».

²⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 237. Л. 21.

предлагать использовать работы татарских литераторов (Ибрагимов, Тухаев, Исханов, Гафуров, Бурнашев, Бабич и др.)²⁵. Комплексный подход к этому вопросу привел к тому, что издание комсомольской художественной литературы не обходилось без издания книг на татаро-башкирском языке²⁶. Просветители глубинки (сельское учительство) в большинстве случаев поддерживали комсомольские начинания в области естественнонаучной пропаганды²⁷.

Помимо «комсомольских байрамов» в 1924 г. обсуждали организацию и прочих кампаний. Так, в плане работы среди татаро-башкирской молодежи на август-сентябрь было заложено ведение подготовки к антирелигиозной кампании в день рождения Магомета (в день Мавлюда)²⁸. Предпринимались попытки перейти от кампанейского метода работы к постоянной, систематической. Так, предлагалось провести ряд бесед среди татаро-киргизских комсомольцев в зимний период 1924 – 1925 гг. об основах природоведения и происхождении человека. Устройство этих бесед ставило целью укрепление атеизма татарских комсомольцев²⁹.

Казавшийся успешным опыт использования национальных праздников, связанных с обычаями и природными явлениями (Сабантуй, Джиен³⁰ и проч.), привел к их дальнейшему задействованию в борьбе с религией. Праздники играли роль повода для напоминания о никчемности религиозных предрассудков. Торжествам постепенно стали придавать форму полезного и развлекательного времяпровождения по-советски. Появилась практика использования спортивных номеров в качестве альтернативы народным гуляниям. Обязательно приглашались деревенские комсомольцы³¹.

В регионах, население которых имело смешанное вероисповедание (ислам и христианство), как, например, в Башкирии, наряду с «комсомольскими байрама-

ми» летом 1924 г. отмечали и день Ильи Пророка. «В этот период в Башкирии впервые комсомольцы взялись за организацию бытовых народных праздников. До сих пор инициатива в их организации принадлежала духовенству и общественности»³², – сообщалось в центр.

Несмотря на использование практически всех национальных и религиозных праздников борьба с религией среди «восточных» нацменьшинств была кампанейской. Систематичность антирелигиозной работы отсутствовала даже в городских районах. Одним из немногих исключений был Кемеровский рудник, где имелся кружок активистов из неверующих татарских рабочих. При проведении антирелигиозных кампаний в некоторых деревенских ячейках, судя по отчетным данным, был получен плохой результат. Естественно, о дополнительной существенной работе в деревнях, кроме проведения естественнонаучных читок, речи не велось³³. Вообще, в местностях с малой численностью пролетариата, работа проводилась слабо. Вдобавок к этому, прочие организации, кроме партийных, комсомольских и профсоюзных, только в некоторых местах принимали участие в кампании, в большинстве случаев мусульманская молодежь была предоставлена сама себе³⁴.

В 1924 г. руководители комсомола обратили внимание на возможность развития антирелигиозной работы в национальном пионерском движении и детских учреждениях. Например, по окончании «комсомольских байрамов» политпросветотделом Сибкрайкома был сделан вывод о необходимости сосредотачивать свою работу в детдомах и школах, как в местах наиболее эффективной пропаганды³⁵. Считалось, что вовлечение детей способствует развитию среди них культурного и советского строительства. На тот момент в национальных республиках и автономных областях пионерское движение имело слабое развитие. Это объяснялось недоучетом особенностей культурного развития детей, нехваткой кадров пионерских руководителей, пионерской литературы на родном языке и материальной базы для пионеротрядов. В ЦК РЛКСМ отмечали крайне малый охват детей нерусских национальностей в Крыму и Татарстане. Частично в этом винили местные губкомы РЛКСМ³⁶.

²⁵ Там же. Д. 2116. Л. 6–7.

²⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 237. Л. 69.

²⁷ Там же. Д. 2116. Л. 44–45.

²⁸ Там же. Д. 237. Л. 35.

²⁹ Там же. Д. 2116. Л. 44–45.

³⁰ Джиен (иначе Зиен, Жиен) – гуляние, сбор – день встречи с родственниками, проживающими в разных селениях. Всего зафиксировано около 22 праздников, имевших название Джиен. Объединяло их в большинстве случаев лишь название, в то время как характер празднования варьировался. В некоторых деревнях Джиен заменял Сабантуй.

³¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 2116. Л. 6–7.

³² Там же. Д. 225. Л. 77–79.

³³ Там же. Д. 2116. Л. 40–42.

³⁴ Там же. Д. 2116. Л. 44–45.

³⁵ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 2116. Л. 44–45.

³⁶ ГАСПИТО. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 539. Л. 94.

В распространяемых циркулярах комсомольские органы антирелигиозную работу среди пионерпредставителей нацменьшинств видели чрезвычайно важной. Запрещалось вести антирелигиозную работу вне отряда. Рекомендовалось вести продуманную планомерную обработку уже вовлеченных детей, начиная с ликвидации неграмотности и проводя в основном естественнонаучный уклон³⁷.

Имеющиеся пионерские отряды из детей-«националов» ввиду особенности воспитания были замкнуты по отношению к другим отрядам. В ходе работы по преодолению этого недостатка руководящими органами комсомола приветствовалось укрепление связи с русскими отрядами путем устройства совместных вечеров, общей пионерской работы, занятий в общих мастерских и т.д.³⁸

По сути, внедрение метода «товарищеской спайки» в национальное пионерское движение приводило не только к преодолению замкнутости и недоверия ко всему русскому. В будущем это вело к осуществлению идей интернационализма, к устранению межнациональной розни. Важной частью этой работы было атеистическое воспитание подрастающего поколения, замена религиозного образования коммунистическим.

Проводимый в стране курс «лицом к деревне», направленный на максимально возможный учет интересов крестьянства, в антирелигиозной пропаганде в конечном итоге выразился в постепенном переходе борьбы с религией на научные основы. В значительной степени возросло подключение к борьбе с религией интеллигенции: учителя, национальных писателей, студентов. Но, по-прежнему, систематической успешной работы осуществить не удавалось, тем более в деревнях и отдаленных районах.

В середине 1920-х гг. антирелигиозная пропаганда среди восточных народностей постепенно стала заходить в тупик. Часто работа стала выполняться административно, без углубления в проблему и учета местных особенностей.

В докладе политпросветотдела ЦК РЛКСМ о состоянии работы среди нацменьшинств, подготовленном в 1925 г., по данной проблеме были сделаны соответствующие замечания. В разделе «Комсомол в национальной деревне» приводился пример Чувашской организации. Там административный уклон в работе иногда превращал антирелигиозную пропаганду

в ее противоположность³⁹. В сводке политпросветотдела ЦК РЛКСМ «Работа среди девушек Востока» сообщали о результатах борьбы с калымом в Ингушетии: «Правда, кое-где переборщили, аульные ячейки сильно увлеклись этой работой, часто отклоняясь от правильной линии». Стремление ингушских комсомольцев отчитаться в успешной работе привели к конфликтам. Были случаи, когда представители власти арестовывали комсомольцев за их борьбу с калымом. Ответственность за эти действия, несмотря на то, что борьбу с выкупом невест вели и другие организации, прежде всего, возлагали на комсомол⁴⁰.

Случай в Ингушетии можно считать примером административного противостояния комсомольцев и национальных властей из-за проведения антирелигиозной пропаганды слишком грубыми методами. Если учесть, что в национальных окраинах страны проявления клерикализма были нередки, то можно сделать вывод, что местные власти, во многом зависящие от духовных лидеров, могли невольно содействовать их интересам. Мусульманское духовенство через органы власти пыталось противодействовать комсомолу.

Более наглядный пример влияния мусульманского духовенства на светскую власть приводит Л. Ольгин в статье «Задачи советского строительства в национальных областях и республиках». По его данным, имелись случаи прямого захвата низовых советских органов духовенством: «Даже в Татарской республике во время последних перевыборов в ряде сел (Ахметовское и др.) вошли в сельсоветы сыновья мулл. В Башкирии, Калмыцкой области, Казакстане⁴¹ налоги за мулл, лам и бакшей вносит население, причем сельсовет выступает часто в роли сборщика. Особенно вредное влияние на население и советы оказывает движение типа дервишей – пшанство, шейхизм»⁴². Быт восточных народов был неразрывно связан с религией. Отсюда значительное влияние духовенства в районах с мусульманским вероисповеданием на советское строительство. В некоторых районах это влияние усилилось в связи с угрозой голода. А. В. Померанцева вспоминала, что в Кабардино-Балкарии это бедствие угрожало после засухи в 1924 г.⁴³

³⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 350. Л. 84.

⁴⁰ Там же. Д. 350. Л. 41.

⁴¹ Название приводится по тексту документа.

⁴² Большевик. 1925. № 21–22. С. 59.

⁴³ Участницы великого созидания. Воспоминания участниц женотдела. М., 1962. С. 52.

³⁷ Там же. Д. 534. Л. 52.

³⁸ Там же. Д. 539. Л. 94.

Практически сразу после создания Союза безбожников в апреле 1925 г. ЦК РЛКСМ были разосланы корректировки пропагандистских работ всем губкомам и обкомам, входящим в состав национальных республик. Например, в положениях о работе в избечитальне говорилось, что антирелигиозную работу в национальных окраинах в прямом смысле этого слова вести не следует. Нужно было без грубых выхонок использовать чтение сельскохозяйственной и прочей литературы для сравнения с тем, что предлагает делать религия. Усвоение точных знаний должно было вытеснить религиозные представления у слушателей. Помимо этого необходимо было вести беседы, разъясняя понятие «бытовые пережитки». С наступлением весенних и летних полевых работ ЦК РЛКСМ предлагал использовать татаро-башкирские народные праздники Сабантуй и Джиен под лозунгами поднятия сельского хозяйства, введения физкультуры, изучения вопросов нового быта. Всю антирелигиозную пропаганду рекомендовалось вести особо осторожно исключительно в рамках общей политпросветработы ячеек комсомола⁴⁴.

Поправки, касающиеся методов ведения антирелигиозной пропаганды, затрагивали использование не только национальных ежегодных праздников у татар, но и воскресных праздников христианской части «восточных» нацменьшинств. На летний период 1925 г. по линии комсомола относительно работы мордовских деревенских ячеек РЛКСМ был разослан циркуляр об использовании воскресных праздничных дней для гуляний (точнее: речь шла о воскресенье – у христиан, о пятнице — у мусульман). Согласно циркуляру эти дни ни в коем случае не следовало превращать в «голые» антирелигиозные кампании. Следовало осторожно применять научный подход с чтением естественнонаучных книг и усиливать сельскохозяйственную пропаганду. К гуляниям готовили песни на родном языке, игры, декламации, инсценировки, живые газеты. Всячески поощрялись национальные игры и спортивные состязания⁴⁵.

После образования Союза безбожников (СБ) основная антирелигиозная работа стала вестись через его ячейки. Для регулирования работы образуемых местных организаций согласно всероссийскому плану подчинения антирелигиозной работы СБ была создана специальная татаро-башкирская секция нацменотде-

ла при СБ, получившая название Дегиляр (Дагриляр, Дягримар)⁴⁶. Она должна была руководить работой всех ячеек СБ среди татаро-башкирских народов (народов мусульманского вероисповедания) на основе положений о нацменотделе⁴⁷.

На фоне новых организационных мер в 1925 г. в комсомоле не забывали об уже апробированных методах. М. А. Мордасова в исследовании о праздничной культуре Южного Урала описывает использование комсомольцами Рамазана и следующего за ним праздника Ураза Гайт для антирелигиозной пропаганды среди татаро-башкирской молодежи в Челябинске весной 1925 г. По ее данным, привлекались различные формы и методы: беседы, лекции, доклады, «часы вопросов и ответов», «разумные развлечения», вечера, концертные номера, игры, физкультурные упражнения, громкое чтение статей, стихов антирелигиозного характера, устные и живые газеты, посвященные антирелигиозной пропаганде. В дни праздников Кадыр-Кючасы, Гарафа-Кун комсомольские политпросветработники предлагали устраивать в клубах вечера и доклады о происхождении ислама. В день Ураза Гайткуни комсомольцы организовывали субботники, вечером в клубе ставили спектакли, концерты, инсценировки, доклады. В деревнях боролись с безграмотностью, с низким уровнем сельского хозяйства, религиозным дурманом, «мулловским обманом». Обком комсомола предлагал строго придерживаться циркуляров и тщательно проводить подготовку «празднества», избегая необдуманных мероприятий⁴⁸.

В целом проведение комсомольских антирелигиозных мероприятий в месяц Рамазан в 1925 г. не претерпело сколько-нибудь серьезных изменений. С каждым годом члены союза пытались вовлечь в мероприятия все большее количество населения, и все больше праздничные дни насыщались новым советским содержанием, использовались для пропаганды новых методов ведения сельского хозяйства.

Нашла свое продолжение и практика дальнейшего участия комсомольцев в национальных праздниках Сабантуй и Джиен. Их происхождение, связанное с аграрным культом, способствовало распростране-

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 348. Л. 22, Л. 36, Л. 67.

⁴⁵ Там же. Д. 367. Л. 18–19.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 726. Л. 8; *Лебедева Л.В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009. С. 166.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 5407. Оп. 1. Д. 2. Л. 31–32.

⁴⁸ *Мордасова М.А.* Праздничная культура Южного Урала 1917–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. С. 58.

нию научных методов в сельском хозяйстве в качестве вида антирелигиозной пропаганды. Исследователи М. А. Мордасова (Челябинск) и Е. Б. Степанова (Томск) подробно описывают проведение этих праздников в своих регионах. В их организации принимали участие губкомы (окружкомы) партии, члены РЛКСМ, татарская библиотека, учащиеся Сибирского татарского педтехникума, губернские (окружные) наркомы образования. Праздник нашел отклик среди всех слоев татарского населения. Часть зажиточных татар собирала добровольные пожертвования в качестве призов для победителей соревнований. Во время праздничных гуляний проводились многочисленные спортивные соревнования (бег, скачки, национальная борьба и др.), культурные мероприятия (концерты, выставки, инсценировки), проводились традиционные национальные конкурсы и развлечения (вольные движения с винтовками, джигитовка, рубка, бег с ложкой и яйцом в зубах), работали лавки и буфеты. Наряду с новой сельскохозяйственной литературой активно пропагандировались и книги по атеизму, национальному вопросу и др. Весь праздник был пропитан духом отказа от старых традиций в быту, хозяйстве и культуре. Символами праздника стали трактор, плуг, соха⁴⁹.

По сравнению с началом 1920-х годов, когда власти не препятствовали проведению Сабантуя, в середине 1920-х советские и партийные органы активно занимались его организацией и проведением, меняя направленность праздника. Его цель заключалась в пропаганде идей ведения культурного огородничества и сельского хозяйства, развития физкультуры, а также оказания материальной помощи татарским школам и культурно-просветительным учреждениям.

Существенный дисбаланс равноправия полов в исламе сделал проект «раскрепощения» женщины Востока особой статьей пропаганды. К началу 1925 г. удалось достичь в среднем 12,1 %⁵⁰ численности девушек в комсомоле автономных областей и республик (в среднем по стране численность девушек в союзе мо-

лодежи была около 16 %⁵¹). Заметим, что автономные области и республики включали в себя значительную долю христианского населения, которое, как известно, относилось к женщине более уважительно. В республиках с преимущественно мусульманским населением этот процент был значительно ниже. Так, в Дагестане на январь 1925 г. в союзе было около 8 % девушек. В целом во всей организации их было 250, непосредственно в аулах – лишь 13 девушек. Причем, вступив в комсомол, почти все оставались религиозными⁵². Численность молодых женщин в комсомоле Дагестанской республики была почти в два раза меньше, чем в среднем по стране и в пять раз меньше, чем в ячейках союза в текстильной промышленности, где девичья часть молодежного союза была самой большой в стране (до 40,4 %). Впрочем, в других республиках, с преобладанием мусульманского населения эти цифры были еще меньше: Казакская (Казахская) республика – 7,0 %, Кара-Киргизия (Республика Киргизия с 14 октября 1924 г. по 25 мая 1925 г.) – 5,5 %, Азербайджан – 2,9 %⁵³.

Особенностями антирелигиозной пропаганды среди «восточных» нацменьшинств можно считать умеренный подход: карнавалльно-штурмовая методика, как стадия развития борьбы с религией, изначально отсутствовала. Несмотря на то, что вся советская работа в национальных республиках мотивировалась устранением «национального гнета», привитие новых норм поведения в восточном обществе часто происходило с помощью административных мер, в приказном порядке (в отличие от рекомендательного характера среди христиан). Борьба против притеснений народов на деле превращалась в ущемление прав иного характера. Вместе с тем, достижением советской власти можно считать начало работы по устранению национальной замкнутости, недоверия, а часто и озлобленности народов по отношению к русскому народу и друг к другу, – прямого осуществления принципа интернационализма. Основными методами преодоления национальной отчужденности стали «товарищеская спайка» и максимально возможное вовлечение «восточной» молодежи в советское строительство (участие в работе

⁴⁹ Степанова Е.Б. Образовательная и просветительная работа среди национальных меньшинств Томской губернии и округа в 1920-е гг.: Дис. канд. ист. наук. Томск, 1996. С. 176; Мордасова М.А. Праздничная культура Южного Урала 1917–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005. С. 58–59.

⁵⁰ Комсомол в деревне. По материалам выборочного обследования деревенских ячеек ... С. 17.

⁵¹ Комсомол в деревне ... (Наш опыт) ... С. 123; Комсомол в деревне. По материалам выборочного обследования деревенских ячеек ... С. XV.

⁵² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 350. Л. 41.

⁵³ Комсомол в деревне. По материалам выборочного обследования деревенских ячеек ... С. XV.

советов и общественных организациях). В этом смысле комсомольцы, пионеры и учащиеся советских образовательных учреждений, как новое поколение, играли большую роль.

Однако несмотря на все усилия комсомола по пропаганде атеизма даже среди самих членов молодежной коммунистической организации все еще очень много было совершающих религиозные обряды комсомольцев. Так, на начало мая 1926 г в Адыгейской организации число таких комсомольцев доходило до 90 %⁵⁴. Подобная картина существовала и в Мордовской областной организации ВЛКСМ⁵⁵. Власти Нижегородской губернии докладывали о колоссальном влиянии духовенства в ряде сел. Село Кельдюшево даже называли Китаем из-за сильной религиозности его населения. В татарских селах муллы имели еще большее влияние⁵⁶. Об отказе от религиозно-бытовых традиций относительно восточной молодежи говорить не приходилось.

С самого начала борьба с религией, старым бытом и традициями, имела ряд конкретных черт, серьезно усложнявших достижение целей комсомольских начинаний. Среди них в 1920-е гг. чаще всего называли острую нехватку национальных работников, катастрофически сказывавшуюся на всей союзной работе на протяжении исследуемого периода, а также обучающей литературы на национальном языке⁵⁷. В некоторых губерниях из-за нехватки национальных работников пропагандистская работа в среде нерусских народов долгое время вообще практически не велась. Например, раздел «Работа среди нацменьшинств» в докладах Тамбовского губернского комитета комсомола за 1923 – 1924 гг. обычно состоял из формулировки: «Национальных ячеек и национальных меньшинств нет». Даже в 1925 г. в информационном отчете Тамбовского губкома за июль – сентябрь писали об отсутствии нацменовских ячеек РЛКСМ⁵⁸. К середине 1920-х гг. руководители комсомола Тамбова говорили лишь о редких случаях вступления в комсомольские ячейки близлежащих русских сел представителей

татарской молодежи⁵⁹. Между тем, национальные общины в губернии были (преимущественно в селах: украинские, белорусские, татарские, мордовские; в городах – еврейские, польские, латышские, эстонские; всего по данным 1926 г. – более 40 тыс. чел.). Местные власти об этом знали, но их сил на решение национального вопроса не хватало⁶⁰.

К середине 1920-х гг. в стране удалось достичь некоторой стабилизации. Общество стало более критично воспринимать антирелигиозные действия власти и комсомола. После преодоления хозяйственной разрухи периода «военного коммунизма» выросли социально-духовные запросы населения страны. В этих условиях «голое» отрицание религии членами РКСМ в глазах «обывателей» стало выглядеть несерьезно, порождая множество сомнений. Данное обстоятельство стало фактором смягчения антирелигиозной пропаганды, перехода ее в более умеренное русло с акцентом на естественнонаучный подход и удовлетворение культурных нужд населения. Союз молодежи пытался приспособиться к изменившимся условиям. Во многих местах были созданы комсомольские культурно-просветительские кружки для самих членов союза и беспартийной молодежи. Примерно к этому же времени окончательно сформировалась теория нового безрелигиозного быта. Ее носителями и распространителями были призваны стать как раз члены комсомола.

К середине 1920-х годов для руководства партии и государства стала очевидной несостоятельность комсомола в деле научного, систематического и, самое главное, эффективного противостояния влиянию религии. Политической подготовленности, уровня грамотности молодых пропагандистов-антирелигиозников оказывалось явно недостаточно для осмысления и, тем более, превращения такого сложного вопроса, как научное представление о мире, в доступную для всего населения альтернативу религиозного мировоззрения. Комсомольцам не хватало естественно-научных знаний, отсутствовало представление об особенностях поведения отдельных социальных групп, общественной психологии, методах и технологиях воздействия на общественное сознание. В конце концов, комсомольцы не отличались жизненной зрелостью и редко могли похвалиться авторитетом у взрослого населения. Вследствие этого было принято решение о непосредственном участии государства в руководстве

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 548. Л. 92, 98.

⁵⁵ Там же. Д. 572. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Д. 561. Л. 60–61.

⁵⁷ Коммунистическое просвещение. 1922. № 2. С. 97–98.

⁵⁸ См., например, в 1925 г.: ГАСПИТО Ф. 1205. Оп. 1. Д. 842. Л. 86; в 1924 г.: Там же. Д. 563. Л. 230; в 1923 г.: Там же. Д. 470. Л. 19.

⁵⁹ ГАСПИТО. Ф. 1205. Оп. 1. Д. 842. Л. 27; Д. 355. Л. 3.

⁶⁰ Там же. Д. 1042. Л. 16.

борьбой с религией и уменьшении сферы ответственности комсомола на данном направлении: появился новый антирелигиозный орган – Союз безбожников.

Не смотря на то, что в конечном итоге была признана неэффективность абсолютного большинства методов и форм борьбы с религией в исполнении комсомола, им постоянно совершенствовались и нарабатывались новые пропагандистские приемы. В дальнейшем советское правительство и руководство Союза безбожников использовало как положительный, так и отрицательный опыт антирелигиозной пропаганды комсомола. К числу отрицательных черт были отнесены непоследовательность, некорректность, вульгарность, некомпетентность. А культивируемые комсомолом отдельные удачные приемы и подходы в середине 1920-х гг. остались на вооружении антирелигиозников. Комсомолом был накоплен значительный эмпирический опыт воздействия на сознание народа. Дифференцированность комсомольской пропаганды атеизма (в частности, специфика противодействия исламу) не могла быть не адаптирована Союзом безбожников.

В тоже время анализ архивных источников показывает в целом недоверчивое, неодобрительное и возмущенное отношение огромного большинства населения к насаждению безбожия. Отдельные одобрения действий комсомольцев на фоне общей негативной реакции выглядят несущественными, а иногда неправдоподобными и полумифическими. Во время антирелигиозных кампаний если и звучали одобрительные голоса, то относились они к злободневным выходкам комсомольцев, но никак не к осмеянию религии. Более или менее лояльно, да и то больше с позиций научного мировоззрения, к антирелигиозной пропаганде относилась интеллигенция.

Неправославное население России пропаганду атеизма под маской культурного просвещения во многих случаях вообще не воспринимало. Национальные меньшинства рассматривали действия комсомола и советской власти в целом в области антирелигиозной пропаганды как посягательство на их духовные ценности.

Причем культурный уровень восточных народов не предполагал жизни в каком-либо другом идейно-духовном «русле». У последователей ислама революционное преобразование традиций вызывало резкое отторжение. «Раскрепощение» женщин воспринималось особенно остро, поскольку традиционно на Востоке женщина была существенно ограничена в правах по отношению к мужчине.

Существовали и общие причины слабой эффективности антирелигиозной пропаганды среди народов, исповедовавших ислам. Дело в том, что мусульманская религия оказалась более устойчивой, нежели христианство. В духовной жизни своих последователей ислам занимал несколько иное место, чем православие у христиан. Это связано с общественным значением религий. Мусульманское духовенство, также как и христианское, играло большую роль в общественной жизни. Но у мусульман эта роль больше, ввиду существования шариата, адата, большой роли старейшин. Совокупность религиозных, этических и правовых нормативов, провозглашаемых шариатом, сделал мусульманскую религиозную жизнь неразрывной с общественной. Религия, светская власть и общественные институты в исламе виделись едиными. Христианство более обособлено от «мирских сует». Оно изначально не претендовало на светскую власть, считая ее данной от Бога (царя считали помазанником божьим) – не стремилось к регулированию деятельности общественных организаций. Обычаи христианских народов были более лояльны к самостоятельности общественной жизни верующих в сравнении с адатом.

В отношении духовенства можно сказать, что первоначально оно было ошеломлено действиями комсомола. Но к середине 1920-х гг. служители культа (особенно неправославных вероисповеданий) нередко довольно успешно противодействовали комсомолу собственной молодежной программой. Служители различных вероисповеданий в безбожии комсомола и насаждении нового быта видели, прежде всего, разрушение моральных устоев населения, они пытались оградить молодежь от нравственного разложения.

Чем дальше от столицы и чем слабее была экономика региона, тем менее эффективной была борьба с религией, тем большую самостоятельность проявляли местные власти. В экономически сильных промышленно-торговых или близко расположенных к административному центру страны регионах борьба с религией имела большую действенность. Независимость мышления провинциальных политиков существенно ограничивалась влиянием центральной власти. Сказывалось и то, что в промышленных районах численность рабочих, а, значит, и численность более коммунистически настроенных молодых людей, была больше. Близость к столице сводила к минимуму элементарное запаздывание материалов и инструкций, присылаемых Центральными Комитетами компартии и комсомола. Наоборот, в отдаленных регионах сраба-

тывало обстоятельство несвоевременности указаний и комментариев. К тому же в этих районах часто не хватало квалифицированных пропагандистов. В особенности подобная картина была типична для районов с преобладающей, либо со значительной долей национального населения. В таких местностях комсомольские ячейки часто называли «неустойчивыми», «колеблющимися», а числившуюся в них молодежь «религиозной», «зависимой от родителей».

Библиография:

1. Баланцев А. В. Национальный фактор в антирелигиозной пропаганде комсомола в начале 1920–х годов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 338-340.
2. Без них мы не победили бы: воспоминания женщин-участниц Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства / сост.: М.О. Левкович [и др.]. М. : Политиздат, 1975. 447с .
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5407. Оп.1.
4. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1205. Оп. 1.
5. Коммунистическое просвещение. 1922. № 1.
6. Коммунистическое просвещение. 1922. № 2.
7. Комсомол в деревне: По материалам выборочного обследования деревенских ячеек на 1 дек. 1925 г. М.-Л.: Мол. гвардия, 1925. 142 с.
8. Комсомол в деревне: (наш опыт): Сборник / Предисловие Л. Сосновского. Изд-е 2-е дополн. М.: «Новая Москва», 1924. 118 с.
9. Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М.: РОССПЭН, 2009. 183 с.
10. Мамсиров Х. Б. Большевицкая модернизация культурной сферы народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в 20-е годы XX века : На материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии : дисс. ... докт. ист. наук. Нальчик, 2005. 579 с.
11. Мордасова М.А. Праздничная культура Южного Урала 1917–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук / М.А. Мордасова. Челябинск, 2005. 210 с.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 23.
13. Сердюкова Н. В. Государственная политика советского государства в области религии в 1920-е гг. На материалах Северного Кавказа.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 172 с.
14. Соколов В. И. История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX до XX века. Рязань: Узорочье, 2002. 626 с.
15. Слезин А.А. Антирелигиозные политсуды 1920-х годов как фактор эволюции общественного правосознания // Право и политика. 2009. №5. С.1156-1159.
16. Слезин А. А. Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. №12. С.82-91.
17. Слезин А. А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. №9. С. 129-136.
18. Слезин А. А. Политический контроль среди молодежи 1920-х гг.: победы на «фронте повседневности» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3. Ч. 2. С. 179-184.
19. Слезин А. А. Попытки оптимизации антирелигиозной деятельности советского государства (1923-1925) // Закон и право.2009.№ 6.С.115-117.
20. Слезин А.А. Реализация комсомолом государственной функции политического контроля в духовной сфере (1923-1926 гг.) // Берегиня. 777. Сова. Общество. Политика. Экономика. 2009. № 1.С.62-73.
21. Слезин А. А. Роль союза безбожников в реализации государственной политики в отношении религии (1924-1929 гг.) // Вестник Калининградского юридического института МВД России.2009. № 2(18).С.85-90.
22. Слезин А. А. Экстремизм в комсомоле 1920-х годов: факторы развития // Политика и общество. 2009. №6. С.72-76.
23. Степанова Е. Б. Образовательная и просветительная работа среди национальных меньшинств Томской губернии и округа в 1920-е гг.: Дис. канд. ист. наук. Томск, 1996. 234 с.
24. Тендит К. Н. Православная и советская культуры: точки сопряжения культовых традиций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4. Ч. 3. С. 166-174.
25. Участницы великого созидания: Воспоминания участниц женотдела / А. В. Артюхина и др. М., 1962. 434 с.

References (transliteration):

1. Balantsev A. V. Natsional'nyy faktor v antireligioznoy propagande komsomola v nachale 1920–kh godov // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2008. № 3. S. 338-340.
2. Bez nikh my ne pobedili by: vospominaniya zhenshchin-uchastnits Oktyabr'skoy revolyutsii, grazhdanskoy voyny i sotsialisticheskogo stroitel'stva / sost.: M.O.Levkovich [i dr.]. M. : Politizdat, 1975. 447c .
3. Komsomol v derevne: Po materialam vyborochnogo obsledovaniya derevenskikh yacheek na 1 dek. 1925 g. M.-L.: Mol. gvardiya, 1925. 142 s.
4. Komsomol v derevne: (nash opyt): Sbornik / Predislovie L. Sosnovskogo. Izd-e 2-e dopoln. M.: «Novaya Moskva», 1924. 118 s.
5. Lebedeva L. V. Povsednevnyaya zhizn' penzenskoy derevni v 1920-e gody: traditsii i peremeny. M.: ROSSPEN, 2009. 183 s.
6. Mamsirov Kh. B. Bol'shevistskaya modernizatsiya kul'turnoy sfery narodov Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v 20-e gody XX veka : Na materialakh Adygei, Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkessii : diss. ... dokt. ist. nauk. Nal'chik, 2005. 579 s.
7. Mordasova M.A. Prazdnichnaya kul'tura Yuzhnogo Urala 1917–1941 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk / M.A. Mordasova. Chelyabinsk, 2005. 210 s.
8. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. M-1. Op. 23.
9. Serdyukova N. V. Gosudarstvennaya politika sovetskogo gosudarstva v oblasti religii v 1920-e gg. Na materialakh Severnogo Kavkaza.: Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2006. 172 s.
10. Sokolov V. I. Istoriya molodezhnogo dvizheniya Rossii (SSSR) so vtoroy poloviny XIX do XX veka. Ryazan': Uzoroch'e, 2002. 626 s.
11. Slezin A.A. Antireligioznye politstudy 1920-kh godov kak faktor evolyutsii obshchestvennogo pravosoznaniya // Pravo i politika. 2009. №5. S.1156-1159.
12. Slezin A. A. Antireligioznye prazdniki 1920-kh gg. // Voprosy istorii. 2010. №12. S.82-91.
13. Slezin A. A. Voinstvuyushchiy ateizm v SSSR vo vtoroy polovine 1920-kh godov // Voprosy istorii. 2005. №9. S. 129-136.
14. Slezin A. A. Politicheskii kontrol' sredi molodezhi 1920-kh gg.: pobedy na «fronte povsednevnosti» // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 3. Ch. 2. S. 179-184.
15. Slezin A. A. Popytki optimizatsii antireligioznoy deyatel'nosti sovetskogo gosudarstva (1923-1925) // Zakon i pravo.2009.№ 6.S.115-117.
16. Slezin A.A. Realizatsiya komsomolom gosudarstvennoy funktsii politicheskogo kontrolya v dukhovnoy sfere (1923-1926 gg.) // Bereginya. 777. Sova. Obshchestvo. Politika. Ekonomika. 2009.№ 1.S.62-73.
17. Slezin A. A. Rol' soyuza bezbozhnikov v realizatsii gosudarstvennoy politiki v otnoshenii religii (1924-1929 gg.) // Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.2009. № 2(18).S.85-90.
18. Slezin A. A. Ekstremizm v komsomole 1920-kh godov: faktory razvitiya // Politika i obshchestvo. 2009. №6. S.72-76.
19. Stepanova E. B. Obrazovatel'naya i prosvetitel'naya rabota sredi natsional'nykh men'shinstv Tomskoy gubernii i okruga v 1920-e gg.: Dis. kand. ist. nauk. Tomsk, 1996. 234 s.
20. Tendit K. N. Pravoslavnyaya i sovetskaya kul'tury: tochki sopryazheniya kul'tovykh traditsiy // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2011. № 4. Ch. 3. S. 166-174.
21. Uchastnitsy velikogo sozidaniya: Vospominaniya uchastnits zhenotdela / A. V. Artyukhina i dr. M., 1962. 434 s.